

Уильям Читтик

МИФ О ГРЕХОПАДЕНИИ АДАМА в работе Ахмада Самани «*Раух ал-арвах*»

Вступление¹

Суфийская литература до сих пор остается в значительной степени не исследованной. Многие тексты давно признаны классическими, другие обрели известность благодаря усилиям современных исследователей, но еще немало забытых работ ожидает своего часа в собраниях рукописей или частных коллекциях. Тот факт, что эти работы неизвестны, не означает, что они не важны. В данном случае речь пойдет о произведении *Раух ал-арвах фи асма' ал-малик ал-фаттах*, написанном Ахмадом Самани, современником Газали и Санаи. Рукописи этой книги, включающей более 600 страниц, имеются в нескольких библиотеках. Такие известные современные исследователи, как Бади ал-Заман Форузанфар и Мохаммад Данешпаджух, упоминали эту работу, но никто не обращал на нее пристального внимания, пока в 1989 году ее не опубликовал Наджиб Херави¹. Теперь, когда текст стал доступнее, любой желающий может убедиться в том, что этот труд заслуживает признания и может быть отнесен к выдающимся классическим произведениям персидской суфийской литературы.

Хотя Ахмад Самани неизвестен большинству современных исследователей, информацию о его жизни найти совсем не трудно. Он был членом знаменитой семьи шафийитских ученых из Мерва. Его отец, Абу'л-Мозаффар Мансур ибн Мохаммад (422-489/1031-1096), был автором комментариев к Корану и *хадисам*, а также нескольких книг по правоведению и богословию (*калам*). Ахмад проходил обучение с отцом и старшим братом, Абу Бакром Мохаммадом ибн Мансуром (ум. 510/1116-17). А последний был отцом самого знаменитого представителя этой семьи, Абд ал-Карима ибн Мохаммада Самани (ум. 562/1166-67), автора хорошо известного генеалогического труда *ал-Аснаб*. В этой работе Абд ал-Карим описывает своего дядю Ахмада как красноречивого проповедника, мастера полемики и утонченного поэта: все эти качества отчетливо проявляются в *Раух ал-арвах*. Абд ал-Карим рассказывает, что в 529/1134-35 году они вдвоем с дядей совершили путешествие из Мерва в Нишапур, чтобы послушать Сахих Муслима (чтение Сунны Муслимом ал-Нишапури — знаменитым собирателем, исследователем и чтецом *хадисов* — прим. пер.)².

Комментарии к Божественным Именам обычно создавались на арабском языке³, но *Раух ал-арвах*, очевидно, является первой подробной и систематизированной работой подобного рода на персидском языке. В семидесяти четырех главах этой книги Самани рассматривает сто одно Имя. В каждом случае он начинает с объяснения буквального значения Имени или Имен, о которых идет речь, а затем дает волю вдохновению. Итог его труда — ряд выдающихся рассуждений по основным темам мусульманской духовности.

Из текста *Раух ал-арвах* видно, что Самани был знатоком всех религиозных наук. Но именно суфийское измерение ислама наиболее отчетливо проявляется в форме и содержании его работы. Самани часто цитирует суфийскую поэзию, включая произведения Санаи, и приводит много стихов и газелей собственного сочинения. Впрочем, его проза часто даже более поэтична, чем стихи, а сам он по праву должен быть отнесен к числу поистине великих мастеров персидской прозы. Он пишет очень непосредственно и живо, демонстрируя при этом превосходное знание разнообразных стилистических приемов. Его язык нельзя назвать простым: он определенно сложнее, чем персидский братьев Газали или Айн ал-Кудата ал-Хамадани. Но музыкальность и красота текста просто изумляют. Без сомнения, он писал книгу, предназначенную для чтения вслух. Его племянник упоминает, что дядя был красноречивым проповедником. Можно представить, какое воздействие оказывал он на слушателей, когда читал вслух отрывки из своей работы, вы-

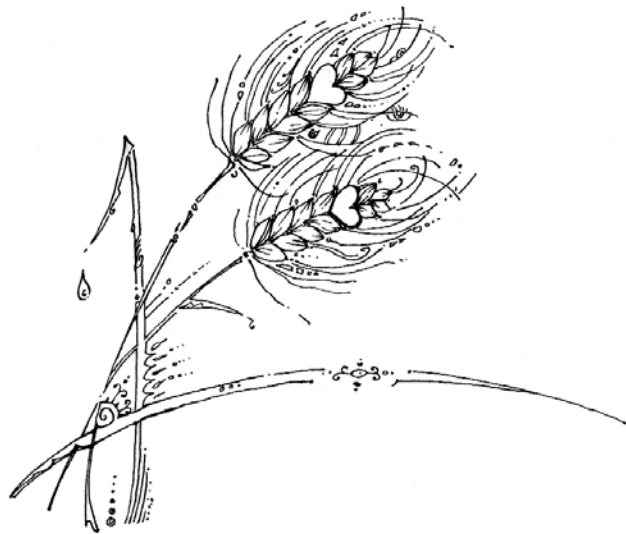
зывая у аудитории экстатические состояния, подобные тем, что часто описываются в агиографической литературе.

Более всего труд Самани сравним с редко упоминаемым суфийским классическим произведением *Кашф ал-Асрар*, десятитомным комментарием к Корану, законченным Майбоди в 520/1126 году, то есть за десять лет до того, как Самани написал *Раух ал-арвах*. Однако комментарии Майбоди достигают высот красноречия только в своей третьей части, где речь идет о внутреннем смысле Корана. Самани же выдерживает такой уровень вдохновения и благозвучия с самого начала и до конца своего текста, прибегая к обычной прозе только в начале каждой части. Мне не известны другие тексты в прозе, столь самобытные и неповторимые, где так же богато использовались бы поэтические образы и чувство юмора.

Раух ал-арвах, как и *Кашф ал-Асрар*, является одним из самых подробных ранних источников по теории суфизма. Этим трудом Самани внес существенный вклад в развитие многих тем, включая исламскую антропологию. Значительное влияние на него оказали работы *Кашф ал-Асрар* и *Расайел Ихван ас-Сафа*⁴. Должно быть, и он, в свою очередь, вдохновил многих из тех, кто последовал за ним. Джалаал ад-Дин Руми, по всей вероятности, был знаком с его работой. Труд Руми, *Маснави*, написанный примерно 120 лет спустя, близок по стилю и духу к *Раух ал-арвах* более, чем любой другой образец персидской литературы.

Некоторые особенности книги Самани можно проиллюстрировать, рассмотрев одну из ее основных тем. Главная, основополагающая идея текста заключается в том, что люди были созданы ради любви, и что вся боль и все страдания лишь способствуют увеличению потребности человека в Боге. Как и большинство суфийских теоретиков, Самани уделяет особое внимание описанию качеств Божьего милосердия, любви и сострадания, нежели атрибутов Его гнева. Центральная идея его работы сводится к известному хадису «Милость Бога преобладает над Его гневом».

Значительная часть рассуждений Самани о Божьем милосердии сосредоточена в описании ключевого с точки зрения человеческого бытия мифического эпизода — грехопадения Адама. Исходя из коранической версии этого события, ислам никогда не подчеркивал его негативные последствия в такой мере, как христианство. Тем не менее, множество мусульманских авторитетов усмотрели в самом грехопадении результат Божьего гнева и указали на то, что оно явилось причиной нарушения равновесия с Божественной Реальностью. Самани не забывает,

что Бог суров в наказании, но толкование этой части Божественного послания он склонен предоставить другим. Он не стал бы концентрироваться на положительных аспектах грехопадения Адама, если бы противоположные мнения не бытовали столь широко. Очевидно, он решает выступить против той идеи, что главным мотивом для повиновения Господу должен быть страх.

Некоторым читателям может показаться удивительным утверждение Самани, что причиной низвержения Адама были Божьи милость и всепрощение. Кто-то может сразу же возразить, дескать, таким образом Самани делает из греха добродетель и поощряет неповиновение Божественной воле. Но так можно судить, если не учитывать социальный и религиозный контекст того времени и осмысливать текст Самани с точки зрения современной ситуации, в которой возведение различных форм религиозной дисциплины в ранг закона рассматривается как ограничение свободы. Надо помнить, что Самани жил в обществе, где соблюдение норм шариата было безусловным правилом. И он не предлагает людям воздерживаться от греха и довольствоваться этим. Скорее, он просит их внимательно отнестись к мотивам своего поведения. Правильно ли соблюдать требования шариата просто потому, что так велит Господь или чтобы избежать наказания? Нет, — говорит Самани, — человек в своих действиях должен руководствоваться любовью к Богу, как Бог руководствовался ею, когда создавал Вселенную («Я был спрятанным Сокровищем, и Я захотел быть узнаваемым»). То есть автор стремится дать своим слушателям положительное представление о Боге. Он хочет пробудить в их сердцах любовь к Нему. Он прекрасно знает, что эта любовь приведет не к пренебрежению шариатом, но, скорее, к более серьезному и глубокому его пониманию и еще большему рвению при соблюдении. Как говорится в Коране: «Скажи [О Мухаммад!] «Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной, будет любить вас Аллах и простит вам ваши грехи» — поистине, Аллах — прощающий, милосердный» (Коран 3:31). Необходимым условием следования за Мухаммадом является соблюдение норм шариата, которых он сам придерживался.

Чтобы продемонстрировать воззрения Самани и стилистические особенности его письма, ниже приводятся примеры того, как он истолковывает грехопадение Адама. Если обойти вниманием детали работы, можно не заметить тот факт, что ораторское искусство Самани здесь не менее значимо, чем его теоретические рассуждения. Нужно постоянно помнить, что работа Раух ал-арвах писалась для громкого чтения вслух, так

что ее сила в большой степени заключена в самом ее звучании и богатстве образов. Хотя сохранить эту образность при переводе трудно, мы потеряем намного больше, если совсем откажемся от подобных попыток.

Грехопадение Адама

Взгляды Самани на грехопадение Адама нужно рассматривать в контексте коранической истории, которую я здесь кратко изложу, уделяя внимание особенно значимым, с точки зрения Самани, деталям.

Бог решил поставить своего наместника, или представителя, на земле. Прежде, чем создать его, Он объявил о Своем решении ангелам. Те, по-видимому, были крайне удивлены, поскольку сказали: «Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святым Тебя?» (Коран 2:30). Бог просто ответил, что Он знает нечто, неведомое им.

Сотворив Адама, Бог научил его всем Именам. То были Имена всех вещей, или Имена Бога, или и то, и другое — в зависимости от различных толкований. Затем Бог спросил у ангелов Имена, но те признали свое неведение. Бог велел Адаму научить ангелов Именам и напомнил им свои слова о том, что они знают не все, известное Ему. Потом Он приказал ангелам поклониться Адаму, и все подчинились, кроме Иблиса⁵. Когда Бог спросил Иблиса, почему тот отказался поклониться, Иблис ответил: «Я — лучше его: Ты создал меня из огня, а его создал из глины» (Коран 7:12, 30-8:76).

В соответствии с хадисом, Бог в течение сорока дней собственными руками месил глину, из которой слепил Адама, после чего вдохнул в него от Своего духа⁶. Вероятно, именно в этот момент Бог предложил небу, земле и горам понести Залог, на что они ответили отказом. Человек — здесь применяется термин ал-инсан, а не адам — понес Залог. Вот как заканчивается этот аят: «...понес его человек, — ведь он был обидчиком, неведающим...» (Коран 33:72). В тот же мифический промежуток времени Бог извлекает всех потомков Адама из его чресл и обращается к ним: «Разве не Господь ваш Я?» (*аласту би-раббикум*) (7:172), и они все свидетельствуют в том, что Он — Господь. «Предвечный завет» (*завет аласт*) — хорошо известная тема в суфийской литературе.

К тому времени Бог создает Еву, спутницу Адама, и помещает обоих в Рай, чтобы они свободно гуляли, где пожелают. Однако им было велено не приближаться к определенному «дереву», которое в традиции определяется как пшеница. Отсюда и частые упоминания Самани о

рис. Надежды Орловой

том, что Адам променял Рай на «одно пшеничное зерно». Когда Адам и Ева вкушают запретной пшеницы, раздаётся глас: «...ослушался Адам Господа своего...» (Коран 20:121). Это ключевой момент, «грех» Адама, если угодно. Но, следуя учению ислама, Самани не относится к этому событию, как к «греху» (гонах, эми, дхамб), но, скорее, считает его ошибкой (землат). Совершив эту ошибку, Адам и Ева раскаиваются, обращаясь к Богу: «Господи наш! Мы обидели самих себя» (7:23). И Бог не только прощает их, но, более того, возвышает Адама: «Потом избрал его Господь» (20:122). Иначе говоря, Бог назначил Адама пророком. И в другом аяте мы также читаем: «Поистине, Аллах избрал Адама» (3:33). Наконец, Адаму и Еве говорится: «Низвергнитесь оттуда вместе!» (2:38). Именно это низвержение и есть истинное «Падение», посредством которого Адам и Ева оказываются на земле.

Важно отметить, что Самани практически не пишет о Еве⁷. Не потому, что женщины не важны, просто здесь его не интересуют детали мифа, затрагивающие вопросы различия полов⁸. Когда Самани говорит об Адаме, он придерживается Корана и учения ислама. Он понимает, что это имя относится к первому, или архетипическому, человеку, основные качества которого присущи вообще всем людям⁹. И, поскольку Самани исследует вопрос, что в принципе значит быть человеком, ему не обязательно углубляться в различия между женщиной и мужчиной. Падение Адама — это падение каждого.

Сотворение Адама

Естественно, возникает вопрос: почему Бог создал человека? Объясняя это, Самани держит перед мысленным взором две категории Божественных Имен, часто обсуждающиеся в исламских текстах: имена, выражающие Божественную доброту, красоту, милосердие, и имена, указующие на Его суровость, величие, гнев и недоступность¹⁰.

Уникальность людей заключается в том, что только они могут знать Бога и все сотворенное Им, потому что только людям были открыты все Имена Бога: как Имена Его устрашающего величия, так и Имена Его совершенной красоты. Однако люди приходят в мир, не осознавая эти Имена в полной мере. Самани отмечает, что, пребывая в Раю, Адам еще не полностью раскрыл их суть. Он пришел к пониманию Имен красоты и милости, но не познал значения Имен величия, гнева и ярости. Для того чтобы обрести это понимание, он должен был сначала спуститься на землю.

Бог привел Адама в сад доброты и посадил его на трон счастья. Он подносил ему кубки радости один за другим. Затем Он изгнал Адама, плачущего и причитающего. Как Бог позволил ему испить из чаши доброты в начале, так же Он заставил его попробовать на вкус глоток чистой, неразбавленной, безусловной суровости в конце.

(Sam'ani 1989, p. 199).

Поскольку Бог бесконечен, существует бесконечное множество способов, которыми можно достичь понимания Его Имен. Это значит, что познать Имена Бога одному только Адаму было бы недостаточно. Каждый из его потомков также должен прийти к пониманию этих Имен своим собственным путем. Только в этом случае может в полной мере реализоваться заложенный в человеке потенциал. Из этого следует, что уже само существование ада требует человеческого присутствия в этом мире. Ведь ад — это не что иное, как сфера, почти полностью управляемая Именами гнева и суровости, равно как Рай управляется Именами милосердия и доброты. Этот же мир в целом управляется влиянием обоих категорий Имен. Тот факт, что Богу присущи и милосердие, и гнев, требует, чтобы существовал и Рай, и ад. Поэтому, говорит Самани, когда Бог хочет объяснить Адаму, почему тот должен покинуть Рай, Он обращается к нему с такими словами:

В чаше твоего бытия есть сияющие самоцветы и черные как смоль камни. На дне океана твоего существа спрятаны жемчужины и черепки. Что касается Нас, то Мы имеем два дома: в одном Мы расстелили скатерть радости и удовольствия... В другом Мы зажгли огонь гнева... Если бы Мы позволили тебе остаться в прекрасном Саду, Наш атрибут суровости не был бы проявлен. Так покинь это место и сойди в пламя горестей и горнило отделенности. Тогда явим Мы тайные помыслы, заблуждения, хитрости и побуждения, что сокрыты в сердце твоём¹¹.

(Sam'ani 1989, p. 279).

Божья доброта и суровость отражены в двух составляющих природы Адама, называемых в традиции «духом» и «глиной». Атрибут доброты связан с духом, в то время как атрибут суровости, в большей степени, относится к глине. Однако сказанное ни в коей мере не умаляет ценности глины, коль скоро суровость также является Божественным атрибутом. Без глины Адам был бы ангелом, а не человеком, и, в таком случае, не мог бы выполнить ту задачу, для которой был создан.

Если б был только один дух, то дни Адама были бы чисты от позора, а поступки его — лишены изъяна. Но действия, лишённые скверны, не присущи этому миру, а ведь именно для наместничества в этом мире он был создан с самого начала.

(Sam'ani 1989, p. 420).

Последнее особенно важно, и Самани часто об этом упоминает. Коран ясно определяет, что Бог сотворил Адама с целью поставить его наместником на земле. Адам не мог бы стать таким наместником, оставшись он в раю.

Адам был изгнан из Рая не из-за своей ошибки. Даже если мы предположим, что он не совершил бы её, он все равно оказался бы в этом мире, поскольку жезл наместничества и ковер царствования уже ждали его прихода. Ибн Аббас сказал: «Бог уже изгнал его из Сада, прежде чем поместить туда».

(Sam'ani 1989, p. 313).

Если же Бог создал Адама для наместничества на земле, то почему Он сразу не поместил его туда? Самани предлагает несколько ответов на этот вопрос. В данном контексте его ответ опирается на саму природу рая как места, где возобладали Божественные атрибуты милосердия и доброты. Когда Адам был сотворен, он был подобен ребенку и не имел силы вынести гнев и суровость Бога. Проявляя доброту и опекая его некоторое время, Бог дал Адаму возможность набраться сил. Только после этого Он привел его в этот мир, где проявлены атрибуты гнева и суровости.

Адам был еще ребенком, поэтому Бог вел его стезей милости. Одно дело — путь отроков, совсем другое — горнило, где куются герои. Адам был внесен в Рай на сильных плечах ангелов Божьего царства. Рай был забуман как колыбель его могущества, где на мягких подушках взращивалось его превосходство. Поскольку не обладал он еще стойкостью, достаточной, чтобы ступить ко двору суровости.

(Sam'ani 1989, p. 262).

Одним из нескольких благих последствий падения Адама является то, что таким образом он проложил дорогу, по которой его потомки могут попасть в Рай. Самани говорит нам, что Бог изгнал Адама из Рая, пообещав однажды принять его назад вместе со всеми его детьми.

Тогда все живые существа узнают, что, как Мы можем низвергнуть Адама из Рая по-

средством атрибута суровости, так же Мы можем вернуть его обратно посредством атрибута милосердия.

Завтра Адам войдет в Рай со своими детьми. Молва об этом событии сложилась заранее отдаленные его уголки. Ангелы мира владычества будут смотреть с удивлением и приговаривать: «Тот ли это человек, что покинул Рай несколько дней назад в бедности и нищете?» Адам! Твое изгнание из Рая — завеса над сутью и покров для тайн... Стерпи толку лишней, и спустя несколько дней обретешь сокровище.

(Sam'ani 1989, pp. 91-92).

Любовь

Подобно Руми и многим другим суфиям, Самани видит загадку тайны существования человека во взаимной любви Бога и человека. Он часто комментирует строки Корана «Он любит их, и они любят Его», указывая, что никто другой, кроме человека, не может в полной мере возлюбить Бога, ибо только человек был создан по Его образу и подобию.

Бог создал все живущее, исходя из потребности в могуществе, но Адама и сыновей его — из потребности в любви. Другие вещи Он создал, будучи Сильным, но тебя — будучи Другом.

(Sam'ani 1989, p. 223).

Хотя величие Адама проявляется в физическом мире через его телесную оболочку (гел), истинный источник его славы находится в сокровенном измерении, известном как «сердце» (дел). Именно в сердце смотрит Бог, и там рождается любовь к Нему.

Место любви — сердце, а сердце — это чистое золото, жемчужина в океане груди, рубин из рудника самой сокровенной тайны... Божественное величие шифовало его своим взглядом, Полировщик Незримого оставил на нем свою печать, сделав сердце чистым и сверкающим... Отблески красоты неопишуемой Любви отражаются в зеркалах благодетельных сердец. Человеческая любовь существует благодаря любви Бога.

(Sam'ani 1989, pp. 519-520).

Нужно помнить, что не бывает любви без боли и страданий. Любленные томятся по своим возлюбленным, и чем труднее им достичь друг друга, тем сильнее страдание. Цель любви — единение,

а к единению ведут Божественные атрибуты доброты и милосердия. Но насколько любовь требует единения, настолько же она требует и разлуки. Не бывает любви без испытаний и искушений. Настоящая любовь подтверждает свою истинность тем, что становится только сильнее, когда влюбленные пребывают в разлуке. Следовательно, влюбленный должен испытать действие Имен гнева и суровости, ибо эти Имена олицетворяют отделенность от Бога. Действие этих Божественных Имен, как в этом мире, так и в аду, проявляется через печаль, боль и страдание.

От высшего Престола и до земных просторов — нигде не отыскать любви, кроме как в лавке человеческой печали и радости. Много безгрешных и чистых ангелов было при Дворе, но только эта горстка праха смогла понести бремя и вместить суть этой строки, что сжигает сердце и плавит тело: «Он любит их, и они любят Его».

(Sam'ani 1989, p. 488).

Любовь — это Божественное качество, присущее самому Господу, Тому, кто одновременно прекрасен и могуществен, милостив и суров, мягок и строг, близок и далек. Ангелам недоступна любовь Бога, потому что они не могут испытать настоящей отделенности от Него. Животные далеки от Любви, так как не в состоянии пережить истинную близость к Нему. Люди как бы сплетены из близости и отделенности, и все противоположные атрибуты сведены в них воедино. Только те могут любить Бога по-настоящему, в ком совмещаются все эти противоположности.

Никто, кроме человека, в восемнадцати тысячах миров не выпивал этой чаши завета «Они любят Его».

(Sam'ani 1989, p. 156).

Люди являются венцом творения Бога, поскольку в них проявляются все Божественные атрибуты. Без них мир был бы воистину мрачным и унылым местом.

Прежде чем обрел существование Адам, был сотворен мир. Сей мир, будучи наполнен вещами сущими, тварями, формами и предметами, оставался безвкусной похлебкой, ибо в нем не доставало соли страдания. Когда прародитель вышел из укрытия небытия на простор пустыни существования, звезда любви засияла в небе глиняной груди Адама. Свет любовного единства осветил небеса его сокровенной тайны.

(Sam'ani 1989, p. 295).

Величие Адама состоит в том, что он понес тяжкое бремя Залога. Для Самани Залог — это Любовь к Богу. Только Адам знал секрет Любви, поскольку она была основной причиной его собственного бытия. Он знал, что его любовь не созреет и не окрепнет до той поры, пока он не испытает боль разлуки и жестокие лишения. Поэтому он и вкусил запретный плод.

Божьей щедростью и великодушием Адам был введен в Рай, там он восседал на ложе могущества. Весь Рай был отдан в его распоряжение, но он не глядел на него, ибо глаз его еще не зрел и крупицы печали, и не ведал он сущности Любви. Он говорил: «Масло и воду нельзя смешать».

(Sam'ani 1989, p. 237).

Неповиновение Адама, конечно же, было частью Божьего промысла, потому что Он создал его для наместничества, что неотделимо от Любви. А сущность Любви являет себя в томлении и сердечной муке. Как отмечает Самани:

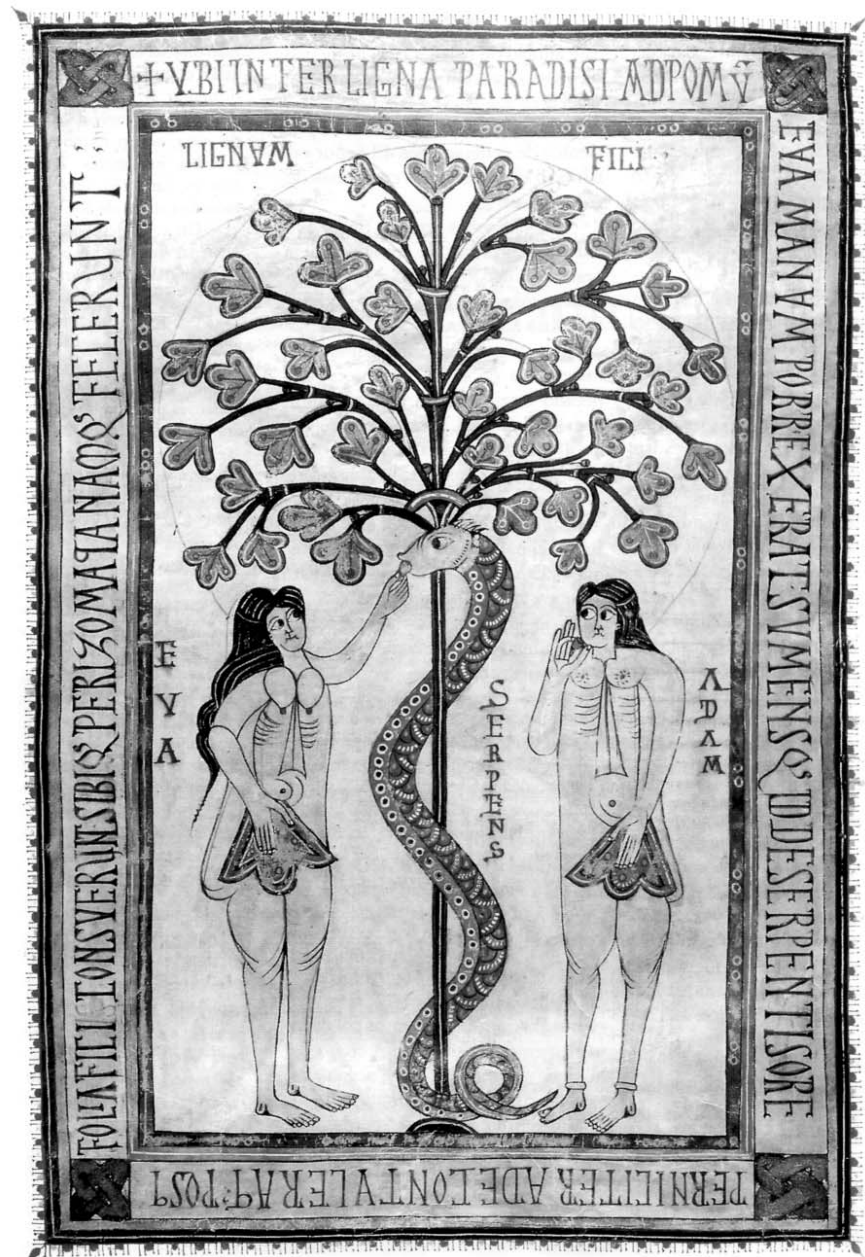
Господь, в чьей власти было оградить Иосифа от свершения скверного поступка, мог не позволить Адаму вкушать от дерева. Но, поскольку мир должен был наполниться смятением, несчастьями и печалью, то что оставалось делать?

(Sam'ani 1989, p. 296).

Когда Бог предложил понести Залог небесам, земле и горам, все они отказались, потому что не знали секрета любви. Но Адам, как истинный влюбленный, думал только о своей Возлюбленной. Его не беспокоило собственное несовершенство, хотя Залог был тяжелым бременем, нести которое утратил весь сотворенный мир.

Бедный мячик для поло! Настигнутый кляшкой, мечется он на собственной голове, посылаемый в полет руками и ногами игроков. Скачет от одного к другому, и здесь, и там получая удары. Бранный комок глины под ударами кляшки — суровости Всемогущего, летит он с одного края поля — безначальной Божественной воли, на другой край — к бесконечной Божественной жажде. Надпись в начале поля гласит: «Не спрашивают Его о том, что Он делает, а их спросят» (Коран 21:23). Знамя реет на другом конце поля, возвещая: «Он — совершитель того, что пожелает» (85:16).

Но договор заключен с мячом: «Следи за пристальным взглядом Султана, а не за кляшкой». Те, кто думал о кляшке,

покинули поле, спасаясь бегством. «Они отказались его понести» (33:72). Тогда Адам с отвagой льва поднял и понес это бремя. Ему и довелось пожинать плоды. ... Там, где небо и земля узрели бремя сегодняшнего дня, Адам увидел царские палаты дня грядущего. Он сказал: «Если сейчас не понесу эту ношу, то завтра не войду во двор Величия». Как мужчина он принялся за дело. И с того момента стал стрелком компаса всех таинств. Поистине, все семь небес и земля не слышали и отголоска этих слов. (Sam'ani 1989, pp. 186-187).

Устремление и различие

Влюбленным свойственна высокая степень устремленности. Они страстно стремятся только к Возлюбленному, то есть Богу. Чтобы достичь Его, они должны отвернуть свои взоры от всего прочего, существующего во вселенной, — даже от Рая.

Адама переполняла устремленность. Что бы он ни делал, все диктовалось ею. Ведь всякий раз, когда люди чего-то добиваются, источник их успехов — устремленность. И, напротив, неудачи преследовали бы их, действенной они посредством собственной природы. Когда Адам был совершен... все ангелы пали перед ним ниц, и был он провозглашен царем и наместником, а имя его было внесено в договор. Восемь райских садов были вверены ему одному. «О, Адам! Поселись ты и твоя жена в раю» (Коран 2:35)... В своем безграничном стремлении он, как Султан, оседлал скакуна Любви. Извел стрелу уникальности из колчана отчуждения и поразил прекрасного павлина райского блаженства, что чинно разгуливал в саду Вечности. Он знал, что таков путь изгнания, тружение устремленных ввысь, и судьба тех, кто приближен к Богу. Время, пространство, сущности, силы, следствия, формы, предметы и объекты знания должны полностью стертаться, исчезнуть из виду. Если что-либо из этого еще занимает человека, свободе не найдется места. Кто не свободен — тот не может быть истинным слугой Господа.

(Sam'ani 1989, p.120).

Любовь, стало быть, означает освобождение от всего сотворенного ради одного лишь Бога. Остается лишь служение Господу, больше ничего. И только в человеческой природе есть то, что дает возможность служить Богу в Его бесконечной, всеобъемлющей реальности, которая включает

в себя как атрибуты красоты и величия, так и милосердия и суровости. Самани говорит нам, что Бог обращается к ангелам и людям со следующими словами:

О Редван, тебе принадлежит Рай! О Малек, тебе принадлежит Ад! О Херувим, тебе принадлежит Трон! О ты, с сожженным сердцем, ты, на ком печать моей Любви! Ты принадлежишь Мне, и Я принадлежу тебе. (Sam'ani 1989, p. 589)¹².

Чтобы устремиться к Богу, людям нужно научиться видеть различие между Богом и всем остальным. Следовательно, разгадка тайны человеческой любви и совершенства живет в пронищательном сердце, которое видит Бога среди этого приводящего в замешательство многообразия мироздания. Адам служит образцом для влюбленных в Бога, поскольку не прельстился даже Раем.

Поистине, любовь затмила красоту обоих миров. Ад и Рай имеют значение и ценность в мире служения, но в мире любви — не стоят и мельчайшей пылинки. Восемь райских садов были дарованы Адаму как избранному. Он продал их за одно пшеничное зерно. Он погрузил бремя своего устремления на верблюда удачи и вошел в мир страдания. (Sam'ani 1989, p. 170).

Адам должен был войти в Рай, чтобы увидеть всю красоту мироздания. Увидев же, он смог оценить чего стоит Рай в сравнении с его Возлюбленным.

Любая торговля основывается на различии ценности. Султан устремления Адама оседлал скакуна его величественного положения. Затем он въехал в Сад, чтобы определить его ценность. [У правоведа] есть разные мнения о том, может ли кто-либо покупать то, чего не видел. Но все согласятся, что невозможно судить о стоимости того, чего ты не видел. «О Адам, во что ты оценишь Рай теперь?» Он отвечал: «Тот, кто боится ада, отдаст за Рай тысячу жизней. Но тот, кто благоговеет перед Тобой, ценит Рай не дороже песчинок». Мудрость решения поместить Адама в Рай заключалась в том, что это помогло проявиться его устремленности и жажде. (Sam'ani 1989, p. 314).

Когда Адам познал цену Рая, он, естественно, решил его покинуть. Но Бог сделал Рай его владением. Нарушить Его повеление и пострадать от

Его недовольства — таков был единственный способ быстро покинуть Рай.

Неправда, что Адам, протягивая руку к пшеничному зерну, не ведал, что творил. Напротив, знал и таким образом выбрал короткий путь.

(Sam'ani 1989, p. 198)¹³.

Нищета и нужда

Человеческая любовь вырастает из нужды (нийаз), которую Самани называет «огонь в сердце, боль в груди и пыль на лице» (Sam'ani 1989, p. 186). Если у вас есть что-либо, вы в этом уже не нуждаетесь. Бог обладает всем во всей полноте и совершенстве и ни в чем не нуждается. Только несовершенные могут истинно любить Бога. Пока люди находят в себе достоинства и ощущают свою независимость, видят себя положительными и добродетельными, в них нет места для любви к Богу. Секрет любви Адама заключался в том, что он оценивал себя как ничто. Это помогает объяснить, почему суфии называют свой путь тропой «нищеты». Как сказано в Коране: «О люди, вы нуждаетесь в Аллахе, а Аллах богат, преславлен» (35:15). Самани цитирует великого суфия:

Сахл б. Абдаллах ат-Тустари сказал: «Я рассматривал этот вопрос и пришел к выводу, что ни один путь не приближает человека к Богу так, как нужда (эфтегар), и нет завесы более плотной, чем требовательность (да'ва)...»

Посмотри на путь Иблиса, и ты не увидишь ничего, кроме требований. Теперь посмотри на путь Адама, и ты не увидишь ничего, кроме нужды. О Иблис, что ты говоришь? «Я — лучше его» (Коран 7:12). О Адам, что ты говоришь? «Господи наш! Мы обидели самих себя» (7:23). Бог вырастил все сущее из небытия на равнине Своей воли, но саженец нужды вырос только в глине. Эта горсть праха замешивалась на воде нужды. Нужда должна была присутствовать в ней, чтобы никогда не умолкала ее стенания перед Божьим судом.

Природа Адама была замешана на нужде, и нужда ему помогала. Ангелы должны были настать ниц перед ним, а он был посажен на трон царствования и наместничества, тогда как приближенные к Богу ангелы были поставлены рядом с ним, но его нужда не стала легче ни на пылинку. Он оказался в Раю, и было провозглашено: «Питайтесь отсюда

на удовольствие, где пожелаете» (2:35). «Восемь райских садов принадлежат тебе, странствуй свободно, где пожелаешь». Но его нужда все равно не исчезла. (Sam'ani 1989, p. 90).

Нужда Адама заметно отличает его от всех других созданий, которые довольствуются тем, что имеют. Адам не может быть удовлетворен никогда, потому что жаждет Бесконечного.

Говорят, что в Скрижали Хранимой¹⁴ написано: «Адам, не вкушай от пшеницы», и там же написано, что он вкусил от нее. «Ведь человек создан колеблющимся». (Коран 70:19). Жадность детей Адама восходит к временам самого Адама. Кто не жаден — тот не человек. Сколько бы человек ни ел, он должен получать еще. И если кто-то ест и говорит: «Я сыт», то он лжет, ибо всегда есть еще место.

(Sam'ani 1989, p. 156).

Потребность Адама в Боге увеличивается благодаря тому, что Адам осознает себя, как ничто. Это осознание своей иллюзорности отличает его от ангелов, которые имеют себя чем-то.

До Адама было время изобилия и богатства. Пришла очередь Адама, и возшло солнце нищеты и бедности, и явилась нужда. Было немало и таких созданий, что сидели на сокровищах славословия и восхваляли Бога. Они выставляли на торги свои богатства: «Мы возносим хвалу Тебе и святым Тебя!» (Коран 2:30). Адам был бедным человеком, вышедшим из угла внутренней молитвы, что в лучшем случае. Он облачился в одежды нужды и потребности. Нищета была всем его достоянием, и в горести он восклицал во дворе Всемогущего: «Господи наш, мы обидели самих себя» (7:23).

О деревни! Они берут монету, что отвергнет и побирущка, вместо настоящих денег. Они закрывают глаза на такие сделки, но очень осмотрительны, когда дело касается богатых. Без сомнения, ангелы царства Владыки обладали несметным богатством, но среди того добра была и толка самовосхваления. Товар их покорности был отмечен клеймом «самости». У Адама не было капитала, но грудь его была месторождением алмаза нужды и раковины, хранящей жемчужину нищеты...

О ангелы царства Владыки! О жители предель святости и садов приближенности!

Вы состоятельные и владеющие богатствами, а Адам — бедный человек, и он смотрит на себя с презрением. Ваша звонкая монета — подделка, ибо вы обращаете свой взор и свое внимание на самих себя. Теперь вы должны бросить свои сбережения в горнило нищеты Адама. Он — вкушающий Божественное присутствие. «Поклонитесь Адаму!» (7:23).

Смирение

Нужда Адама состоит в том, что он осознает свое несовершенство и ничтожность. Нужда требует смирения, то есть признания человеком своей слабости и ничтожности перед лицом Божественной реальности. Смиренному все добро видится исходящим от Бога, а все зло — исходящим от самости.

Тревоги даны тому, кто нуждается, а нуждаемся мы все. Наше «добро» ускользающе, в то время как зло — наш собственный атрибут. У отца нашего Адама была возможность выбрать между шапкой своеволия и венцом избранности, и тогда он пострадал за зерно пшеницы. В каком же состоянии пребываем мы, дети, оставленные в храме этого мира? «Когда на поверхности мать, как ты думаешь, что же будет на дне?».

(Sam'ani 1989, pp. 261—262).

Но если все наше вино — мутно, то это не потеря, а приобретение.

Ты должен знать наверняка, что зерно пшеницы, которое Адам положил себе в рот, было крепостью всей его жизни. Человеческая природа требует взглядывания, но тот, кто смотрит на себя — не будет спасен... Это зерно пшеницы превратилось в крепость Адама, ибо когда бы Адам ни смотрел на себя, он испытывал стыд. Теперь он выступает вперед, испрашивая прощение, и нет в нем гордыни. Чтобы человек мог стать на путь, ведущий к Богу, он должен сказать «Вся слава принадлежит Богу», когда видит, что Бог дарует удачу. А когда он смотрит на свои поступки, то должен говорить: «Прошу прощения у Бога».

(Sam'ani 1989, pp. 205—206)¹⁵.

Вследствие своей ошибки Адам узнает, что его недостатки составляют подлинную основу его собственного существования. Он сам — не что иное, как глина; все остальное происходит из Божественного провидения. Следовательно, грехо-

падение Адама вовсе не является его неудачей, а как раз наоборот, — в нем его спасение и слава. Когда человека, понесшего Залог, Коран называет «обидчиком, неведающим» — это не осуждение, а указание на спасительную для человека добродетель. Таким же образом «душа, побуждающая ко злу» (ан-нафс ал-аммара) — то, чему человек должен противостоять, — делает возможным восхождение выше небес, к Богу.

Если рядом с дворцом нет ямы для отбросов — он несовершенен. Рядом с величественным дворцом должна быть помойная яма, чтобы все отбросы и грязь, что скапливаются в нем, могли быть выброшены туда. Точно так же Бог, создавая сердце при помощи света чистоты, помещает эту нечистую душу рядом с сердцем, словно выгребную яму. Пена «невежества» рождается в том же море, что и драгоценная жемчужина чистоты. Порок необходим, чтобы воздвигнуть на нем добродетель. Прямая стрела нуждается в изогнутом луке! О сердце, будь как прямая стрела! О душа, прими форму изогнутого лука!...

Когда сердце облачают в покровы чистоты, ему показывают место, где обитают сгрехи и невежество, чтобы сердце помнило себя и знало, кто оно. Павлин, распускающий перья, получает особую радость от каждого пера, но его приводит в смущение вид его собственных ног. Это вместилище невежества и есть ноги павлина, что всегда при тебе.

(Sam'ani 1989, p. 288).

Урок, который люди должны усвоить, состоит в том, что несовершенство есть часть человеческой природы, которая в полной мере известна Богу, и никто не должен терять надежду на Божью милость. В то же время нужно извлечь урок из истории с ангелами, и никогда не гордиться своими хорошими делами, ибо видеть себя доброделательным значит совершать ошибку, — ведь все добро должно возвращаться Богу.

Ангелы не совершали ошибок ни в прошлом, ни в будущем. Ошибка выпала на долю Адама. Так Бог сказал: «И послушался Адам» (Коран 20:121). Однако здесь сокрыт секрет. Ибо ангелы видели, что они безупречны, в то время как Адам видел свою нищету. Ангелы говорили: «Мы святым Тебя!» (2:30), что значило: мы остаемся чистыми ради Тебя. Адам сказал: «Господи наши, мы обидели самих себя». Бог показал ему, что ошибка того, кто видит ошибку, в Его глазах выше безупречности того, кто

видит безупречность. Вот почему Бог даровал Адаму честь стать тем, перед кем преклоняются, в то время как ангелам велел преклониться. Так пусть смиренный человек не будет самодовольным, а непокорный — не теряет надежды.

(Sam'ani 1989, p. 406).

Божье прощение

Человеческое несовершенство ведет к совершенству любви. Сознание своего несовершенства удерживает людей от самолюбования и направляет все их устремления к Возлюбленному. В то же время, несовершенство позволяет Богу проявить Свое совершенство. Не будь грешников, как бы Он мог быть Прощающим? Следовательно, грехопадение Адама было необходимо для Божьего прощения. Самани иногда цитирует известный хадис Пророка, который указывает на роль Божьего прощения в возникновении греха: «Если ты не грешен, Бог приведет людей, которые грешат, чтобы Он мог простить их».

Ангелы были удостоены Божественного Присутствия. Каждый из них служил Господу, будучи облачен в одежды безгрешности и украшен сенью покорности. Но, когда дело дошло до сотворения мира, они закричали с высот своей чистоты и начали хвалиться на базаре: «Я и никто более». Они сказали: «Мы возносим хвалу Тебе!» (Коран 2:30).

«О, ангелы небесного царства! Хоть вы покорны, нет ни безумной страсти в ваших душах, ни тьмы в вашем естестве. Если люди непокорны, то это от их слепых страстей и невежества. Ваше смирение вместе со всей вашей силой — не больше соринки перед Моим могуществом и величием, а их непослушание вместе со слабостью и унижением не умаляют моего Царства. Вы крепко держитесь за собственную безгрешность, в то время как они тянутся к Моей милости. Своим повиновением вы проявляете свою непогрешимость и величие, своим непослушанием они дают Мне возможность проявить щедрость и милосердие.

(Sam'ani 1989, p. 300).

В одном длинном отрывке Самани цитирует высказывания нескольких пророков, чтобы показать, что каждый из них совершал действия, заслуживающие порицания. Но это не указание на их несовершенство, но, скорее, свидетельство милости Бога. Он хотел дать людям возможность оправдаться за их слабости. Первым делом Самани ссылается на пророка Адама:

Совершенство Божественной доброты позволило пылинке попасть в глаз каждого великого человека, чтобы те, кто приходит следом, не чувствовали себя ущербными. Адам совершил ошибку в Доме Безгрешности. Всемогущий Бог решил сначала дать ошибку свершиться, чтобы место это стало обителью грешников. Тогда, если слабый человек допустит промах, он не потеряет надежды. Он скажет: «В доме бытия, в обители даров, в плоте безопасности, в месте славы Адам ошибся, и Всемогущий Господь принял его извинение. Что странного будет в том, что в обители уничтожения, юдоли скорбей, доме злослучений, мире бед и горестей слабый совершит ошибку, а Всемогущий Господь не станет наказывать бедняка, но примет его оправдание».

(Sam'ani 1989, p. 309).

Иными словами, Самани видит всю драму грехопадения с точки зрения Божественной доброты и милосердия¹⁶. Бог желает, чтобы люди осознали свою ничтожность и, исходя из этого, отказались от своих притязаний на совершенство и открывались навстречу Его доброте, любви и прощению. Я цитирую еще один отрывок, который обобщает взгляды Самани:

Дервиш, я открою тебе секрет... В ряду чистоты перед Адамом, избранным, поставили полную чашу неразбавленного вина любви. От далеких Плеяд и до дальних пределов земли простиралось зеркало его великолетия, в котором отражался Адам, увенчанный короной счастья. Затем ангелам небесного царства было велено преклониться перед ним. Но не в преклонении перед ним проявились его великолетие, слава, высокий чин и чистота, а здесь: «И послушался Адам» (Коран 20:121). Поистине, эти слова простираются выше, чем Трон Божественного величия. Почему? Потому что быть обласканным в то время, когда царит согласие, не есть доказательство славы. Быть обласканным в момент разногласий — это доказательство.

Избранный и великолетный Адам восседал на троне величия и совершенства, увенчанный короной процветания и облаченный в мантию щедрости. Гора милости возвышалась у его дверей, столпы престола его счастливой судьбы вздымались выше Трона. Над головой Адама распростерся балдахин царствования, а сам он держал высоко над миром знамя знания. Если ангелы и все небесные сферы должны были целовать

землю перед ним — это не удивительно. Что удивительно, так это то, что он провалился в яму этой ошибки. Его прямой стан, ибо «Аллах избрал Адама» (3:33), согнулся, потому что «И слушался Адам». И после того из бескрайних небес доброты воспарила корона «Избрал его Господь» (20:122). О дервиши, если бы Бог не хотел принять его со всеми его недостатками, Он не создавал бы его со всеми этими недостатками...

Не думай, что Адам был изгнан из рая за то, что вкусил пшеницы. Бог сам хотел вывести его оттуда. Он не нарушил никаких заповедей. Заповеди Бога не были осквернены. Завтра Бог примет в Рай тысячи тысяч людей, которые совершили великие грехи. Разве стал бы он изгонять Адама из рая за один мелкий проступок?

(Sam'ani, 1989. pp. 150-151).

Эта рукопись была впервые представлена на конференции «Персидский суфизм: от истоков до Румы», 11—13 мая 1992 года, Университет Дж. Вашингтона, Вашингтон О.К., США.

Примечания

1. *Раух ал-арвах фи шарх асма' ал-малик ал-фаттах* (Тегеран: Шекрат-е Энтершарт-е Элли ва Фарханги, 1368). См. замечания Форузанфора на с. xv—xxii (из его работы *Шарх-э Маснави-йе шариф* [Тегеран: Данешгах, 1346—48/1967—69], том. 3, с. 915—917) и Данешпаджуха, *Маджалле-йе Данешкаде-йе Адабийят ва 'Олум-е Эснари* (Тегеран) 5/2—3, с. 300—312 (согласно цитате в *Раух ал-арвах*, с. xvii—xxii).

2. На обратном пути 'Абд ал-Карим расстался со своим дядей у города Тус и вернулся в Нишапур на целый год, а потом продолжил путь в Исфахан и Багдад. Больше он с ним не встречался.

3. См. Daniel Gimaret. *Les nom divins en Islam* (Божественные имена в Исламе). — Paris: Cerf, 1988. Автор ссылается на двадцать три работы по этой теме на арабском языке.

4. Эти работы, очевидно, оказали более важное влияние на формирование основ учения Самани, нежели источники, приводимые Майелем Херави, — такие как *Шарх-е та'ароф* (*Раух*, с. xxiii) Мустамли Бокхари. Например, *Раух*, с. 63—64, базируется на *Кашф ал-асрар* [ред. А. А. Хекмат [Тегеран: Данешгах, 1331—39/1952—60]], том. 8, с. 545. Ср. *Раух* стр. 292—293 и *Кашф* том 8, с. 374—375. По отрывку, который, вероятно, основан на *фи кавл ал-хокама' анна'л-энсан 'алам сагир* Эквана ал-Сафа (*Раза'эль* [Бейрут: Дар-Садир/Дар Бейрут, 1957], том 2, с. 456 и след.), см. *Раух*, с. 177—181.

5. Конечно, среди теологов и других ученых идут споры относительно того, был ли Иблис ангелом. Позиции сторон в большой степени зависят от того, как толкуются термины «ангел» (*малак*) и «джинн». Те, кто отличает джиннов и ангелов, утверждают, что Иблис был джином, основываясь на Коране (18:50). Другие не проводят такой четкой грани и считают его одним из ангелов или относят к одной из их разновидностей. Самани не интересуется разницей между ангелом и

джинном, поэтому он обычно причисляет Иблиса к ангелам.

6. Очевидно, что в этом случае Бог уделяет слишком много внимания созданию одной твари, поскольку при сотворении всего остального, включая небеса и землю, Он просто говорит «Будь», и вещи появляются. Более того, как напоминает нам Самани, Коран говорит, что один день Бога равен тысяче наших лет (Коран 22:47), отсюда сорок дней, посвященные Адаму, — это необычайно долгий период времени.

7. Sachiko Murata в своей работе «The Tao of Islam: A Sourcebook on Gender Relationship in Islamic Thought» (Дао Ислама: О гендерных отношениях в исламской философии) (Albany: SUNY Press, 1992, p. 35) приводит единственный отрывок, где Самани мимоходом упоминает Еву.

8. Поскольку Ева отличается от Адама, и между ними существуют некоторые взаимоотношения, предметом обсуждения должна стать природа этих отношений. С точки зрения Самани, эта тема имеет второстепенное значение на фоне вопроса об отношениях между Богом и всеми людьми. Средоточием мифа об Адаме являются отношения «божественное — человеческое», а не «мужчина — женщина».

9. Использование имени «Адам» тут, конечно же, соответствует духу Корана. Обратите внимание, например, на следующую цитату, где Бог обращается ко всем людям: «Мы утвердили вас на земле и устроили вам там средства жизни, — мало вы благодарны! Мы создали вас, потом придали вам форму, потом сказали ангелам: 'Поклонитесь Адаму!'» (Коран 7:10—11). Самани часто обращается к Адаму, а потом цитирует строки Корана, в которых употребляется двойственная форма обращения, ибо и Ева, и Адам там рассматриваются как одно целое.

10. О фундаментальном значении этих двух категорий имен для всего разнообразия исламской мысли см. «The Tao of Islam...» Sachiko Murata.

11. Ср. *Раух*, с. 199, где Самани описывает то же самое, более подробно.

12. Сравните со следующим отрывком, где Самани начинает с описания притязаний Иблиса на то, что он лучше, чем Адам, поскольку был создан из огня: «О проклятый, ты гордишься огнем? Ты принадлежишь Огню, и огонь принадлежит тебе. О Корах, ты гордишься богатствами? Ты принадлежишь своим богатствам, и они принадлежат тебе. О Фараон, ты гордишься Нилом? Ты принадлежишь Нилу, и Нил принадлежит тебе! О ты, который утверждает Мое Единство. Гордишься ли ты Мною? Ты принадлежишь Мне, и Я принадлежу тебе» (*Раух*, p. 420).

13. Ср. *Раух*, p. 90 в переводе Murata, Tao, 65.

14. *Лаух-и-Махфуз*, «Хранимая скрижаль» (Коран 85:22), на которой был извечно написан Коран, хранящаяся в ведении Всемогущего. Это значит, что Коран не является творением злых духов, джиннов или прорицателей, в чем его обвиняли во времена возникновения ислама, а создан самим Богом. Поэтому тот, кому ниспосылается Коран, не способен исказить его содержание.

15. Ср. *Раух*, p. 624

16. Объяснения Самани относительно того, что происходило «за кулисами», когда Адам вкушал от запретного плода, смотрите *Раух*, с. 312, в переводе Murata, «The Tao...», p. 35. Его объяснения того, как Божие прощение и милосердие определяют существование человека, смотрите *Раух*, с. 224—225 в переводе Murata, «The Tao...», pp. 138—139.

Перевод Ильи Поветьева

William C. Chittick. The Myth of Adam's Fall In Ahmad Sam'ani's Rawh al-arwah // Sufi, issue 15, autumn 1992, pp. 5-14.